

СЕРГЕЙ БУЛЫГИНСКИЙ

КНЯЗЬ МИРА СЕГО

Сергей Булыгинский

Князь Мира Сего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72852752

SelfPub; 2025

Аннотация

"Князь Мира Сего" – это захватывающее фэнтези, погружающее в грандиозную космологическую сагу о сотворении миров и борьбе за души.

Старший Инспектор Анатас, утомленный своим бессмертием, вынужден вмешаться в эксперимент гениального Создателя. Этот Создатель сотворил мир с разумной жизнью, где исследуются природа добра и зла, свобода выбора и тайна бессмертия.

Книга переплетает футуристические пейзажи с библейскими аллюзиями, прослеживая путь Адама, Евы и Иисуса Христа. Она заставляет задуматься о цене свободы, ответственности творца и истинном значении веры. "Князь Мира Сего" – это философское рассуждение, упакованное в увлекательный сюжет о судьбе Мироздания и каждого существа в нем.

Идеально для любителей интеллектуальной фантастики, ищущих ответы на вечные вопросы.

Сергей Булыгинский

Князь Мира Сего

Часть первая. Грехопадение

Инспектор

Старший Инспектор Контрольной Службы Анатас пребывал в отвратительном настроении, и по очень веской причине. Какое уж тут настроение, если все планы и мечты, которые он вынашивал в течение долгого и на редкость скучного дежурства, вдруг рассыпались, как карточный домик! А ведь дежурство было почти закончено, осталось только сдать дела, оформить отпуск, и двери в Миры Наслаждений снова распахнулись бы перед ним. Мысленно он уже упивался изысканными ароматами Дилмуна, навевающими сладостные сны, предавался самым утонченным чувственным наслаждениям Валгаллы, растворялся в невыразимом блаженстве Нирваны... И вместо этого оказаться в тесной кабине служебного катера, уносящего его куда-то на край Мироздания! А все этот проклятый внеочередной вызов. Даже и в более подходящее время он доставил бы Инспектору мало радости. Тащиться в какую-то глушь, и только для того, чтобы присутствовать при проведении очередного никому не нужного эксперимента, который, как правило, за-

нимает уйму времени! А в данном случае – его собственно-го времени: даже если он просидит на вызове до следующего дежурства, график не изменят и отпуск ему не продлят. Ничто не должно нарушать раз и навсегда заведенного порядка. То, что впереди у него – вечность, отнюдь не утешало Инспектора. Бессмертие – это еще не причина откладывать удовольствия, а работать следует ровно столько, сколько нужно, чтобы обеспечить себе максимум наслаждений. Так считал Анатас, и с ним согласился бы, пожалуй, любой из Бессмертных, кроме разве что Создателей Миров, этих чудачков, которые способны даже пропустить свою очередь в Мирах Наслаждений только для того, чтобы закончить очередное творение. А именно с ними и приходилось иметь дело Инспектору по роду его деятельности. Контрольная Служба была создана специально для ограничения чрезмерной творческой активности Создателей Миров. Всякий желающий стать творцом еще одной Вселенной должен был при-смотреть себе неосвоенный участок где-нибудь на перифе-рии Мироздания и представить на рассмотрение Контроль-ной Службы проект с изложением основных принципов по-строения нового мира. Если они не противоречили закону, проект утверждался Главным Инспектором. Ограничения, налагаемые законом, касались главным образом простран-ственно-временной структуры: создаваемый мир не должен был иметь более трех пространственных и одной времен-ной координат и выходить за пределы четырехмерной сфе-

ры заданного радиуса. Если в проекте предусматривалось создание каких-либо форм жизни, что было под силу далеко не каждому, то на этот счет существовали и другие ограничения, главным из которых был запрет на использование астрального вещества в процессе создания живых существ. Только Бессмертные могли иметь, кроме материального, еще и астральное тело, которое, собственно, и делало их бессмертными. Особенно строгие требования предъявлялись к созданию разумной жизни, хотя практически они не применялись: Инспектор еще ни разу не встречал Создателя, способного сотворить разумную жизнь, и, по правде говоря, не был уверен, что таковые вообще существуют.

Обязанности дежурного Инспектора заключались в том, чтобы периодически, в заранее оговоренные сроки, проверять деятельность Создателей во вверенном ему секторе Мироздания и в случае нарушений добиваться их устранения. Кроме того, случались и вот такие, как сейчас, внеочередные вызовы. Это означало, что пославший вызов Создатель собирается построить нечто не предусмотренное проектом или провести эксперимент, результаты которого могут оказаться небезупречными с точки зрения закона. В таких случаях требовалось присутствие Инспектора непосредственно на месте события. Самовольно вмешиваться в процесс творения Инспекторам строго запрещалось во избежание непредсказуемых последствий, и нарушения обычно устранялись по обоюдному согласию. Если же Создатель настаивал на закон-

ности своих действий, конфликтная ситуация рассматривалась Верховным Судом, решения которого были обязательны для обеих сторон и обжалованию не подлежали. Создателей, упорствующих в своих заблуждениях после решения Суда, и Инспекторов, допустивших служебные нарушения, ждало суровое наказание – отлучение от Миров Наслаждений. Создателям, кроме того, запрещалось впредь заниматься творческой деятельностью, а все созданное ранее уничтожалось. Если нарушение имело тяжкие последствия, для тех и других предусматривалась самая страшная кара – ссылка в Миры Страданий. Срок наказания мог быть сколь угодно долгим, но не вечным: сама мысль о вечном наказании была невыносима для Бессмертного.

Чего Инспектор никогда не понимал в Создателях, так это их неумной жажды творить. Разве мало им Вечных Миров, составляющих основу Мироздания? Впрочем, Миры Наслаждений действительно маловато, но ведь пока ни один Создатель не сотворил ничего похожего на них, да и вряд ли когда-нибудь сотворит. За время своих бесчисленных дежурств он достаточно посмотрелся на плоды их трудов: миры из вращающихся концентрических сфер, подсвеченных изнутри и переливающихся всевозможными цветами, пересекающиеся зеркальные плоскости, каждая из которых представляла собой отдельный двухмерный мир, бешено сталкивающиеся и разлетающиеся вихри энергетических полей... Некоторые из миров были просто великолепны и за-

поминались надолго, как например тот, что он посетил с проверкой два или три дежурства назад. Это была полая сфера, в центре которой сияло гигантское светило. На внутренней поверхности сферы росли правильной формы горы-кристаллы, окрашенные в такие нежные цвета, что это нисколько не уменьшало их прозрачности. Лучи центрального светила отражались и преломлялись в кристаллах, создавая неповторимую игру света. А над горами, опираясь огромными крыльями на льющиеся со всех сторон световые потоки, медленно и беззвучно порхали изумительные по красоте живые создания. Хрупкие и недолговечные на первый взгляд, они были на самом деле невероятно живучи. Легкая, но чрезвычайно прочная алмазная броня, сверхнадежная нервная система на полупроводниковых кристаллах и крылья из тонких пластин-фотоэлементов, исполнявших также функцию источников питания, обеспечивал им недостижимую для других смертных существ продолжительность жизни. Инспектор долго ломал голову, зачем Создатель этого мира потратил столько сил именно на индивидуальное долголетие своих творений, если бессмертия им все равно не достигнуть, а даже самый примитивный и ненадежный наследственный аппарат, которого у них вообще не было, позволил бы сохранить их как вид намного дольше. И все же, как ни старался тот Создатель скрыть от Инспектора свою маленькую хитрость, Анатас докопался-таки до истины. Дело было в том, что Создатель придумал, как ему казалось, безупреч-

ный способ сохранить свой мир обитаемым сколь угодно долгое время. Он просто-напросто так искривил ось времени, что она периодически пересекалась сама с собой в одной точке, из которой он и расселил свои создания по всем будущим временам. Промежуток между пересечениями был как раз равен средней продолжительности их жизни. Инспектору было даже немного жаль этого прекрасного мира, но закон есть закон! Кривизна временной оси явно превышала установленные пределы.

Интересно, что и сами Создатели Миров не могли толком объяснить Инспектору, зачем они это делают. Некоторые бормотали что-то о расширении границ Мироздания, но миров и так было едва ли не больше, чем самих Бессмертных, и даже в самом захудалом из Вечных Миров, за исключением, конечно, Миров Страданий, жить было куда удобнее, чем в любом из сотворенных Создателями. Наиболее ясно выразился Создатель, который сказал: "Мы делаем это, потому что не можем не делать." Такой ответ исключал дальнейшие вопросы, но ничего не объяснял. С тех пор Инспектор определил для себя отношение к деятельности Создателей как к пустой, но безобидной прихоти. Впрочем, лично для него польза от Создателей все-таки была: они обеспечивали его работой, а работающим Бессмертным дозволялось все свободное время проводить в Мирах Наслаждений, куда безработные попадали строго по очереди и на весьма ограниченный срок. Грех было Инспектору жаловаться на Созда-

телей Миров, хотя, конечно, обидно из-за очередной блажи какого-то чудака зря тратить драгоценное отпускное время.

Зеленый сигнал на приборной панели инспекторского катера возвестил о том, что цель полета находится в пределах видимости. Инспектор дал команду бортовому компьютеру, и на обзорном экране появилась трехмерная проекция лежащего впереди пространства. Вселенная, откуда пришел вызов, представляла собой поверхность четырехмерной сферы предельного радиуса, допустимого законом. Красная точка на обратной стороне сферы указывала на резиденцию Создателя, но Анатас, как ни торопился скорее покончить с этим делом, решил действовать по обычной схеме. Опытный Инспектор всегда старается еще до встречи с Создателем ознакомиться с его творением. Среди Создателей Миров встречаются великие мастера заговаривать зубы, но если уже имеешь четкое представление о предмете, тебя не так-то просто будет сбить с толку. Инспектор переключился на ручное управление и направил катер в ближайшую точку сферы.

Скорость вдоль оси четвертого измерения плавно снизилась до нуля, и инспекторский катер вынырнул в трехмерном пространстве незнакомого мира. Глядя на обзорный экран, Инспектор переключил его на реальное трехмерное изображение и застыл в немом изумлении. Ничего подобного ему еще не приходилось видеть. Искривление пространства было настолько плавным и незаметным, что создавалась полная иллюзия бесконечности Вселенной. И эта черная бархат-

ная бесконечность была усыпана сверкающими бриллиантами звезд, среди которых не было двух одинаковых. Различные по цвету, яркости, величине, они собирались вдали в спиральные и шаровидные скопления, а вблизи составляли причудливой формы созвездия. Анатас, конечно, понимал, что расположение звезд по отношению к его местонахождению случайно, но глаз помимо его воли искал и находил в очертаниях созвездий знакомые фигуры. И это было еще не все. Увеличив до максимума изображения ближайших звезд, он обнаружил, что вокруг них по правильным эллиптическим орбитам вращаются шарообразной формы планеты, сияющие отраженным светом. Конструкции из звезд с вращающимися вокруг них планетами встречались, правда, и у других Создателей, но как убоги и примитивны были они по сравнению с тем, что он наблюдал сейчас! Картину дополняли мерцающие призрачным светом облака межзвездного газа и всепоглощающие воронки в тех местах, где вещество немислимой концентрации прорывало упругую ткань пространства и проваливалось в черную дыру.

"Да, работа мастерская", – подумал Инспектор и тут же выругал себя за то, что от расстройтва, вызванного неожиданным крушением его планов, забыл просмотреть по дороге проект этой Вселенной. – "Судя по результату, мне понадобится уйма времени, чтобы разобраться в этих формулах". Он вызвал на экран дисплея проектные параметры и испытал чувство удивления едва ли не большее, чем при первом

знакомстве с этим миром. "Нет, этого не может быть!" – была его первая мысль. – "Он отклонился от проекта!" Казалось совершенно невероятным, чтобы фундаментальные законы этой невероятно сложной структуры полностью исчерпывались такими простыми и красивыми формулами. Чего стоило одно только уравнение эквивалентности массы и энергии, соотношение между которыми неожиданно выражалось через скорость света, служившую одной из фундаментальных постоянных этого мира!

Инспектор затребовал данные анализаторов, работавших в автоматическом режиме с момента прибытия, собирая информацию об окружающей среде. Теперь на левой стороне экрана были проектные данные, а на правой – реальные цифры и формулы. Одного взгляда было достаточно, чтобы признать полное тождество правой и левой частей. И тогда Инспектор понял, что на сей раз ему придется иметь дело с поистине, без всяких натяжек, гениальным Создателем. Нельзя сказать, что это его особенно обрадовало. По личному опыту он знал, что чем выше творческие способности Создателя, тем труднее с ним работать. Гениальных ему до сих пор не попадалось, но, экстраполируя это соотношение, следовало готовиться к самому худшему. Он углубился в дальнейшее изучение проекта. Ну конечно! Как он и предполагал, проектом предусматривалось создание жизни. Мало того, конечной

целью его, венцом, так сказать, творения провозглашалось создание разумных существ! Инспектор озадаченно покачал головой. Наивно было бы ожидать, что Создатель с такими способностями ограничится творением мертвого мира, но разум! Неужели ему и это под силу?

Ну что ж, посмотрим, кого он там сотворил" – подумал Инспектор, запуская двигатели. Чтобы добраться до резиденции Создателя, ему пришлось снова уйти в четвертое измерение. Физические законы этого мира не допускали движения со скоростью, превышающей скорость света, и двигаясь в его пределах он к концу отпуска едва ли преодолел бы тысячную часть пути.

* * *

– Адам, а откуда мы взялись?

– Как откуда? Он нас создал, Невидимый, Который говорит с нами.

– А из чего он нас сделал?

– Может, из глины слепил. А может, не "из чего", а "из кого". Из обезьян, например, у них руки совсем как у нас. Шерсть повыщипал, морду подправил, говорить научил – вот и получились люди.

– Но я не хочу из обезьяны. Они кривляются...

– Ну, тогда... Ладно, пусть я буду из обезьяны, а ты... ты из моего ребра. Когда я спал, Он вынул у меня ребро и сделал

тебя. Вот, до сих пор бок чешется.

– А почему Он сделал нас разными – мужчину и женщину?

– Откуда я знаю? Может, на второго мужчину материала не хватило. Хотя нет, ведь у зверей тоже так. Значит, так надо. И вообще, Ева, раз ты из моего ребра, то должна меня слушаться, так что отстань со своими глупыми вопросами. Сходи лучше на речку, искупайся.

Создатель.

Это была ничем не примечательная голубая планета, согретая лучами такого же заурядного светила на краю одного из спиральных звездных скоплений, но именно ее по каким-то причинам Создатель выбрал для своих экспериментов. Инспектор, снизив скорость до безопасных пределов, осторожно вошел в плотные слои атмосферы. За себя он, конечно, не боялся – восстановить физическое тело после любой аварии не составляло труда – но потеря транспортного средства означала бы дополнительную задержку. Не говоря уже о том, что Инспектор, явившийся к Создателю пешком и в голом виде, вряд ли мог бы рассчитывать на должное уважение со стороны последнего. Пробив нижний слой облаков, Анатас выровнял катер и перешел в горизонтальный полет. Поверхность планеты стремительно проносилась под ним. Собственно, поверхности он и не увидел, если не счи-

тать острых зубцов скал, которые изредка прорывали живой зеленый ковер, укрывающий от глаз мертвый камень планеты. Да, по разнообразию и великолепию этот живой мир превосходил даже Космос, созданный той же самой творческой рукой. Бегающие, прыгающие, ползающие, плавающие и летающие существа всевозможных форм и размеров теснились на каждом клочке суши, в каждой капле воды, даже приповерхностный слой атмосферы кишел ими. Вглядываясь в окружающий мир, Инспектор пытался найти черты сходства с другими знакомыми ему мирами. Планеты подобного типа, с атмосферой, океанами и материками, правда, безжизненные, встречались и в Вечных Мирах. Среди творений других Создателей попадались и растительные организмы, использующие световую энергию для построения своего тела, и существа, передвигающиеся на четырех конечностях, но то, что для других было высшим достижением в творчестве, здесь составляло лишь ничтожное звено в бесконечной цепи живых существ, связанных между собой жестокой борьбой за существование. Более сильные и хорошо вооруженные разрывали когтями и зубами тела слабых, более быстрые и ловкие ускользали от зубов хищников, оставляя их умирать с голоду. Даже растения при всей их кажущейся неподвижности пребывали в постоянной борьбе, стараясь перехватить друг у друга каждый лучик света, каждую каплю жизненной влаги. Болью, страхом, страданием был наполнен этот мир.

"Что же он создал в конце концов," – недоумевал Инспектор, – "еще один Мир Страданий?" Но он и сам понимал, что это не так. С высоты птичьего полета он мог наблюдать, как пары этих существ предаются действиям, необходимым, по-видимому, для продолжения рода и явно доставляющим им немалое наслаждение, беззаботную игру их детенышей, резвящихся на зеленых лужайках под бдительным присмотром матерей, вольный полет птиц, оглашающих окрестности звонким ликующим пением. Наконец, сама красота и гармония этого мира никак не вязалась с общепринятым представлением о Мирах Страданий. Непонятным, парадоксальным был этот мир, и это не нравилось Инспектору. Он не любил все непонятное, грозящее нарушить раз навсегда заведенный порядок. И глухое раздражение против Создателя, зародившееся еще там, на базе, когда он принял сигнал внеочередного вызова, все сильнее нарастало в нем.

Впереди из-за линии горизонта показалось какое-то круглое сооружение. Это был купол из прозрачного, почти невидимого материала, очень похожий на пузырь, какие в изобилии возникают и лопаются на воде во время проливного дождя. Только этот пузырь накрывал изрядный кусок поверхности планеты. Лес, лужайки, тихо струящаяся речка с впадающими в нее звонкими ручьями – ландшафт под куполом был на первый взгляд точно такой же, как и на всем обозримом пространстве вокруг него, однако были и существенные различия, которые не укрылись от зоркого глаза Инспектора.

Деревья в лесу стояли не так густо, как снаружи, и чуть ли не каждое из них сгибалось под тяжестью самых разных плодов или пестрело яркими цветами. Стада травоядных мирно паслись по соседству с лениво греющимися на солнце хищниками и, похоже, ничуть не опасались их когтей и клыков. Здесь не было той яростной борьбы за существование, бушующей за тонкими прозрачными стенами, только покой и умиротворение. Высоко над куполом неподвижно, несмотря на довольно сильный ветер, висело облако, а на нем, невидимый снизу, возвышался изумительной красоты дворец, ослепительно белый, с золотыми куполами и острыми шпилями башен. Вопреки физическим законам этого мира он висел в воздухе без всякой опоры, как бы подчеркивая, что его хозяин имеет власть над всем сущим здесь, не исключая и сами эти законы.

Инспекторский катер причалил к основанию широкой лестницы, ведущей к воротам дворца. Ворота медленно распахнулись и на пороге возникла облаченная в белые одежды фигура Создателя. Поднимаясь по ступеням, Инспектор не сводил глаз с того, кого уже заранее считал своим противником. Первое впечатление много значило в его работе, особенно сейчас, когда у него были все основания опасаться самых неожиданных сюрпризов. Облик Создателя оказался весьма необычным на взгляд Инспектора. Широкая седая борода, морщины на лбу, вздувшиеся жилы на руках – Создатель, похоже, пропустил три, если не четыре цикла об-

новления. Какой контраст являло собой его когда-то вполне приличное, но давно отслужившее свой срок тело, покрытое бледной кожей, по сравнению с мощным, смуглым до черноты телом Инспектора! Анатас всегда тщательно следил за собой, и весь его облик, от резких черт лица до перекачивающихся под кожей могучих мышц, вполне отвечал общепринятому идеалу красоты, как, впрочем, и у подавляющего большинства Бессмертных. То, что Создатель так пренебрежительно относится к своему физическому телу, только усилило его неприязнь. "Хоть бы к приезду Инспектора принарядился!" – с раздражением подумал он. Но не это поразило его более всего, а невероятных размеров астральное тело Создателя. Анатас знал, что в среднем у Создателей астральные тела больше, чем у остальных Бессмертных, но такого не мог даже вообразить. У этого Создателя оно было в несколько миллионов раз больше, чем у него самого! Анатас вдруг представил себе, что будет, если физическое тело Создателя привести в соответствие с астральным: он запросто мог бы унести на руках эту планету со всеми ее обитателями. Но зачем оно ему такое, если для бессмертия вполне достаточно обычного? Да, немало вопросов накопилось у Инспектора к Создателю.

Словно бы угадав его мысли, Создатель после обмена приветствиями сказал:

– Если не возражаете, Инспектор, приглашаю вас в свою лабораторию. Там я отвечу на все ваши вопросы.

Они прошли по галереям дворца, ярко освещенным, хотя источника света нигде не было видно. Казалось, этот мягкий, чуть желтоватый свет излучают сами стены. Создатель неожиданно остановился и протянул руку к стене слева. Стена сделалась прозрачной и растворилась в воздухе, открыв широкий проход в кабинет, если можно так назвать большой зал квадратной формы с высоким потолком. Обстановка здесь была предельно простая: в углу стол с какими-то приборами и стул, а все остальное пространство занимал круглый прозрачный купол, уменьшенная копия того, что находился прямо под ними на поверхности планеты. Внутри наблюдалась уже знакомая Инспектору картина: лес, более похожий на цветущий сад, и мирно пасущиеся стада. "Объемное изображение", – догадался Инспектор и для верности ткнул пальцем в покатуую поверхность. Рука прошла внутрь, не встречая сопротивления.

– Вот здесь я и провожу свой эксперимент, – сказал Создатель, усаживаясь на край стола и пододвигая Инспектору стул, – и готов предоставить вам всю необходимую информацию. Прошу вас, задавайте вопросы, Инспектор.

– Ну, во-первых, – начал Анатас, – я хотел бы знать, как вам удалось за короткое время создать такое богатство видов и форм жизни. По опыту работы с другими Создателями Миров я знаю, как трудно создавать новые виды и совершенно не представляю, каким образом можно добиться та-

ких результатов. А во-вторых, зачем вы создали такой перенаселенный мир? К чему вся эта непрерывная борьба за выживание, пожирание друг друга? Не лучше ли было бы сделать всего по нескольку экземпляров каждого вида, чтобы всем хватало места и никто никому не мешал?

Вопросы были, видимо, ожидаемы, во всяком случае Создатель ни на секунду не задумался над ответом:

– Как вам, наверное, известно, при создании живых существ труднее всего разработать такой наследственный аппарат, чтобы программа построения организма, заключенная в нем, сохранялась неограниченно долго. Абсолютно надежной защиты попросту не существует, и рано или поздно они вырождаются и гибнут. Я же пошел по другому пути и сделал наследственную программу очень гибкой и неустойчивой к внешним воздействиям. Это и позволило мне путем небольших направленных изменений в наследственном аппарате создать все то многообразие видов, которое вы видели на этой планете.

– Но почему тогда они не вырождаются? Живые существа, которых я здесь видел, выглядят весьма совершенными, я не заметил никаких признаков вырождения.

– А это как раз и есть ответ на ваш второй вопрос. В условиях постоянной борьбы за существование любые неблагоприятные изменения в наследственном аппарате, произошедшие в результате случайных причин, приводят к гибели их носителя, а благоприятные, способствующие выживанию,

закрепляются и воспроизводятся в потомстве. Для образования нового вида мне не надо ничего делать, природа сама создает его и доводит его до совершенства.

Решение было гениально простым, этого Инспектор не мог не признать, но он вовсе не собирался выражать свое восхищение Создателю, испортившему его отпуск, и потому произнес самым деловым тоном:

– Теперь я хотел бы узнать, в чем заключается суть эксперимента, который вы собираетесь поставить. Полагаю, что он имеет какое-то отношение к разумным существам. Удалось ли вам их создать?

Вместо ответа Создатель протянул руку к пульту управления. Прозрачный купол исчез, и объемное изображение начало быстро увеличиваться в размерах. Одновременно сужалось поле зрения, пока в нем не осталось одно-единственное дерево с продолговатыми плодами и два почти безволосых существа, которые сидели под ним и о чем-то разговаривали. Инспектор не смог сдержать возгласа изумления:

– Они же совсем как мы! – воскликнул он

– Да, я создал их по своему образу и подобию. Они называют себя людьми, и это слово мне нравится больше, чем "смертные" – общепринятое название для разумных существ, лишенных астрального тела. Это было нелегко – направить эволюцию, начиная от одноклеточных организмов, так чтобы в конце получился заранее заданный результат. Как видите, они все-таки не полностью подобны нам и но-

сят некоторые наследственные признаки своих предков. Было бы нецелесообразно делать их полностью чуждыми этому миру.

На Инспектора люди произвели впечатление слабости и незащитности, которое еще более усиливалось от их наготы. Даже такое сильное оружие, как разум, представлялось на данном этапе развития недостаточной компенсацией за отсутствие мощных клыков и острых когтей или, на худой конец, рогов и копыт

– Теперь я понимаю, почему вы поместили их под защитный купол, – произнес Инспектор. – За его пределами они живо стали бы чьей-нибудь добычей.

– Не скажите, – отозвался Создатель. – Посмотрите на их руки. Они развиты не хуже наших, и в случае опасности в них наверняка оказалась бы острая палка или камень. А пользоваться этими предметами отчасти умели уже их предки. Нет, я поместил их туда совсем по другой причине. Это связано с тем экспериментом, ради которого я пригласил вас сюда.

Создатель пристально взглянул на Инспектора, как бы оценивая его возможную реакцию на то, что ему предстоит услышать, и продолжал:

– Для того чтобы вы могли усвоить мои объяснения, нам придется уточнить некоторые понятия. Разумное существо отличается от всех остальных способностью самостоятельно программировать свое поведение, свободно выбирать один

из множества вариантов. Мозг существа, не обладающего разумом, при всей сложности и разнообразии его реакций на окружающую действительность служит лишь для реализации наследственной программы и потому лишен возможности выбора. Возникает вопрос: а зачем вообще нужен разум с его свободным выбором, если инстинктивные реакции, как правило, быстрее и точнее. Конечно, по мере развития цивилизации разумные существа будут приобретать все большую власть над природой и находить все более эффективные способы защиты от внешних опасностей, но разум – оружие обоюдоострое, которое годится как для защиты, так и для нападения. Дело может кончиться тем, что люди уничтожат самих себя, а заодно и все живое на планете в результате внутривидовой борьбы. Вопрос в том, существует ли такая цель, которая оправдывала бы создание разума? Такая цель есть. Творение Мироздания, противостояние энтропии, Хаосу, угрожающему его бытию – вот цель разума. Для этого ему необходимо сконцентрировать вокруг себя астральное вещество, рассеянное по Мирозданию. Само по себе астральное вещество способно лишь пассивно противостоять Хаосу, обеспечивая, как частный случай, бессмертие живых существ, обладающих астральным телом. Только разум, вооруженный творческой идеей, запрограммированный, если хотите, на борьбу с Хаосом, способен аккумулировать астральное вещество и использовать его энергию для достижения цели. И я составил такую программу, кото-

рая создает новые мотивы поведения разумного существа, отличные от тех, что заданы генетической программой и направлены на выживание. По моему определению, эта программа есть Добро. Повторяю, речь идет только о мотивах поведения, конкретные действия, вызванные ими, могут из-за несовершенства разума не достигать цели и даже приводить к прямо противоположным результатам, но сама программа идеальна и абсолютна, любые ее искажения есть Зло, способствующее наступлению Хаоса. Я знаю, вы привыкли считать добром все, что ведет к наслаждениям, а злом – то, что причиняет страдания, но для понимания сути эксперимента вам придется принять мою терминологию.

По правде говоря, Анатас мало что понял из этой речи. Сомнения в незыблемости Мироздания никогда не посещали его голову, равно как и мысли о его дальнейшей судьбе. Единственный путь развития Мироздания, который он бы одобрил – создание новых Миров Наслаждений. Кое-кто из имеющих власть, видимо, еще надеялся, что это удастся кому-нибудь из Создателей, иначе их деятельность была бы давно запрещена. Сам Инспектор, прекрасно знающий способности Создателей, в это не очень верил, по крайней мере, до этой, последней, встречи. Так или иначе, забивать себе голову всякой ерундой он не собирался, и потому решил вернуть Создателя к обсуждаемой теме.

– Ну и как же вы собираетесь их... э-э... программировать? – спросил он, кивком головы указывая на сидящих под

деревом.

А вот это как раз самое трудное, – развел руками Создатель. – Как я уже сказал, программирование разумных существ невозможно. Разум сам выбирает, каким мотивам следовать в своем поведении. В обычных условиях этой планеты люди, конечно, выбрали бы мотивы, заложенные в генетической программе, как способствующие индивидуальному выживанию и сохранению вида. Поэтому для начала мне пришлось подавить у них, а также и у всех других существ, с которыми они могут встретиться, почти все природные инстинкты и временно отгородить место их обитания от всего остального мира. Обитатели Эдема, как я назвал область, лежащую под куполом, надежно защищены как от других живых существ, так и от стихийных бедствий. Неподвержены они и старению, пока действует защитное поле купола. Создав таким образом условия для проведения эксперимента, я приступил к внедрению добра в сознание людей. Очевидно, я не мог заложить программу в наследственный аппарат, где она неизбежно подверглась бы искажениям и добро превратилось бы в зло. Чтобы обеспечить надежную защиту от искажений, я записал программу на крохотных частицах астрального вещества, на несколько порядков меньших, чем требуется для обеспечения бессмертия. Сознание человека постоянно связано с одной из этих частиц, для него это как бы "голос свыше", и, поскольку альтернативных мотивов поведения пока нет, ему даже в голову не приходит

его послушаться. В дальнейшем по ходу эксперимента защита будет постепенно ослабевать, инстинкты – восстанавливаться, и вот тут-то начнется самое интересное. У людей появится возможность выбора. Пойдут ли они и дальше по пути добра, или пробудившиеся инстинкты уведут их в сторону? На последней стадии эксперимента они начнут размножаться, создадут общество, и к тому времени, когда защита будет полностью снята, их цивилизация должна достигнуть такого уровня, что борьба за существование перестанет быть основным содержанием жизни, поэтому вероятность правильного выбора достаточно высока. И тогда крошечная частица астрального вещества, как зародыш кристалла, начнет расти, пока не превратится в астральное тело таких размеров, которые смогут обеспечить им бессмертие. В противном случае люди будут стареть и умирать, как и остальные обитатели планеты, и мой эксперимент будет прекращен, как неудавшийся.

– Боюсь, ваш эксперимент закончится раньше, чем вы предполагаете, – прервал его Инспектор и со снисходительной улыбкой пояснил: – Вы нарушили чуть ли не все законы, касающиеся создания разумных существ. Использование астрального вещества, бессмертие... Вы сделали это сознательно, или по незнанию законов?

– Ошибаетесь, Инспектор. Я знаю законы, и пока не нарушил ни одного из них. Я не использовал астрального вещества при создании людей, а только как носитель инфор-

мации. Частица астрального вещества, о которой я говорил, не является частью организма людей, и даже не управляет их поведением, а только подсказывает, как поступить в том или ином случае. То же самое могли бы делать вы или я. Согласитесь, этого недостаточно, чтобы обвинить меня в нарушении закона. Что же касается бессмертия, то ведь в результате эксперимента будет установлена только возможность его достижения для людей. Если он окажется успешным, я обращусь в соответствующие инстанции за разрешением на передачу им, в порядке исключения, ими же созданного астрального тела. Вам тут нечего бояться: они не будут претендовать ни на один из уже существующих миров, ведь я и сотворил их для того, чтобы создавать новые миры, активно бороться с Хаосом.

Анатас едва сдерживал улыбку, слушая Создателя. Неужели он при всей его гениальности настолько наивен? Ну разве не смешно предполагать, что бюрократы, сидящие у власти, позволят ему создавать новых Бессмертных? Анатас и сам на их месте поступил бы так же. Миров, конечно, можно создать сколько угодно, но где гарантия, что хоть один из них будет Миром Наслаждений? Бессмертный, не имеющий работы, а таких громадное большинство, проводит в Мирах Наслаждений всего около десяти процентов времени, а остальные девяносто тратит на стояние в очереди, чтобы попасть туда. Кто же согласится еще удлинить эту очередь? В том, что новые Бессмертные потребуют своей доли насла-

ждений, Инспектор не сомневался: других ценностей в его представлении просто не существовало.

– Впрочем, – добавил Создатель, – это только один, хотя и основной вариант развития событий, существует еще и запасной, но о нем пока рано говорить.

Сколько раз потом проклинал себя Анатас, что пропустил эти слова мимо ушей, не придал им значения! Насторожиться бы ему, потребовать объяснений, и, может быть, все повернулось бы по-другому. Но он только недовольно пожал плечами и задал обычный в таких случаях вопрос:

– А как вы собираетесь контролировать ход эксперимента? Если они нарушат какой-либо запрет, как вы об этом узнаете, и какие меры предусмотрены на этот случай?

– Мелкие нарушения, происходящие из-за несовершенства разума и не искажающие принципов добра, я не контролирую. Они будут неизбежны, когда пробудятся их инстинкты. Но люди пока не способны отличать добро от зла, поэтому любые искажения будут необратимы. Они начнут накапливаться, и эксперимент не достигнет цели. На этот случай я предусмотрел один-единственный запрет. Вот, смотрите!

Создатель протянул руку вперед, и изображение в центре зала сменилось. Анатас увидел одинокое дерево, стоящее на вершине зеленого холма. Два прозрачных ручья, огибая холм, сливались у его подножия в один, и если бы изображение сопровождалось звуком, Инспектор наверняка услышал бы сонное журчание воды, заглушаемое голосами птиц, по-

ющих в кроне дерева.

– Видите эти круглые золотистые плоды на ветках? Это единственное дерево в Эдеме, плоды которого им запрещено есть. Запрет сформулирован таким образом, что его нарушение может быть только проявлением зла. Если хотя бы один из них сделает это, автоматическая система контроля тут же снимет защитный купол и восстановит все подавленные инстинкты обитателей Эдема. Эксперимент прекратится, и люди навсегда останутся простыми смертными.

Была, была в словах Создателя какая-то недосказанность, и в другое время дотошный Инспектор не удовлетворился бы этим разъяснением, постарался выведать все до конца. Но сейчас его интересовало совсем другое, и он задал вопрос, который давно вертелся на языке:

– И сколько же времени займет весь эксперимент?

– Не очень много. Если все пойдет по плану, пятисот тысяч лет по местному времени будет достаточно. Может быть, даже меньше.

Анатас быстро перевел эту цифру с учетом поправки на кривизну в единицы Всеобщего времени и выругался про себя. Ничего себе "не очень много"! Значит почти половину отпуска ему придется торчать здесь, в этом по-своему прекрасном, но мало приспособленном для наслаждений мире, вместо того чтобы предаваться заслуженному отдыху. Нет, с этим надо что-то делать. Он еще не знал, что именно, бы-

ла только некая смутная идея, зародившаяся у него, пока он смотрел на запретное древо.

* * *

– Скажи, Адам, чего бы ты хотел больше всего на свете?

– Вон ту грушу. Кстати, подай мне ее, тебе ближе.

– Да ну тебя, я же серьезно! Ты не хотел бы научиться летать, как птица?

– Не положено нам летать. Скажи спасибо, что ходим на двух, а не на четырех, как другие звери. А то – летать она вздумала. Сегодня летать, а завтра что? Яблоки с запретного дерева?

– А почему их нельзя есть? Что тогда будет?

– Неужели Он не говорил тебе? Ну скажи, ты можешь ударить меня по лицу?

– Нет, конечно. Тебе же больно будет!

– Вот и Ему будет так же больно, если мы нарушим запрет.

– Да знаю я это все. Я просто хочу понять, почему это так.

– Узнаем когда-нибудь. А пока... Тебе что, других плодов мало?

Диверсия

Со дня прибытия Инспектора прошла уже не одна сотня лет. На планете сменялись времена года, двигались ледни-

ки, бушевали грозы и ураганы, землетрясения и вулканы меняли лик Земли, рождались и умирали деревья, звери, птицы... Только в Эдеме ничего не менялось. Времена года в этой части планеты мало отличались друг от друга, рождение и смерть не существовали для его обитателей. Даже грозовые тучи еще на дальних подступах к куполу теряли свой громонесущий заряд и проливались над Эдемом теплым, ласковым дождем.

Инспектор теперь лишь изредка посещал лабораторию Создателя, чтобы справиться о ходе эксперимента, а остальное время проводил в путешествиях. Служебный катер с тремя шестерками на борту – личным номером Инспектора – можно было увидеть то над белой стеной наступающих ледников, то в самом центре тропического тайфуна, то у кратера извергающегося вулкана. Как ни странно, этот суровый и прекрасный мир, поначалу только раздражавший Инспектора своей необычностью, теперь все более нравился ему. Если бы ему предложили выбирать, он предпочел бы его любому из Вечных Миров, кроме, разумеется, Миров Наслаждений. Часто он оставлял катер и гулял пешком по горным хребтам, бескрайним степям и тропическим джунглям. Не раз он срывался в пропасть, бывал сметен каменной лавиной или поражен молнией, но и это его не останавливало: как только его изуродованное тело принимало прежний вид, он снова карабкался по горным кручам.

Однажды, пробираясь по горной тропе, он вдруг услышал

впереди топот множества копыт, и через мгновение из-за поворота вылетело стадо бешено скачущих бизонов. Преследуемые каким-то хищником, они мчались прямо на Инспектора. Казалось бы, чего проще: лечь на землю, отключить сознание, чтобы не чувствовать боли, потом восстановить разбитое тяжелыми копытами тело и продолжать путь! Даже самому себе не мог объяснить Анатас впоследствии, почему на этот раз он поступил иначе. Возможно, от кого-то из Создателей он слышал, что разум Бессмертных может, используя энергию астрального тела, подчинять своей воле низшие создания, но до сих пор не имел ни повода, ни желания проверить это на практике. Впрочем, осознанного желания у него не было и сейчас, просто что-то в нем возмутилось против того, чтобы позволить этим тупым бессловесным тварям растоптать себя. Упершись взглядом в налитые кровью глаза животных, он собрал в кулак всю свою волю и мысленно приказал им свернуть влево, туда, где за краем обрыва далеко внизу торчали острые зубцы скал. Повинуясь неслышной команде, животные резко остановились, взрыв копытами землю, и одновременно, без малейших колебаний, ринулись в пропасть. Анатас пошатнулся и сел, привалившись спиной к скале. Попытка управлять поведением животных, хотя и успешная, потребовала от него огромного напряжения сил. Во всяком случае, восстановить тело было бы намного легче, и он никогда больше не повторил бы ее, если бы... Если бы не это неизведанное ранее упоительное чувство, которое

вдруг охватило его. Он еще не знал, что оно означает, но желание испытывать его вновь и вновь было непреодолимо.

С тех пор он делал все для этого, и с каждым днем оно давалось ему все легче. Он заставлял хищников набрасываться на молодых, сильных животных, которые в обычных условиях никак не могли считаться их добычей, и с удовольствием наблюдал за ходом их смертельной схватки. Огромные киты, мирно пасшиеся на своих богатых планктоном пастбищах, по его команде срывались с места и на полной скорости вылетали на отмели, где, не в силах вернуться обратно, погибали в страшных мучениях. Случайно открыв для себя прелесть верховой езды, он уже больше не ходил пешком. Лошади, верблюды, слоны и даже некоторые хищники то мчались под ним бешеным галопом, то бережно и мягко несли его по труднопроходимым тропам. При этом ему даже не приходило в голову дать животному отдых или хотя бы позволить есть и пить. Когда оно падало под ним замертво, он просто подзывал другое и продолжал путешествие.

Долго не мог понять Анатас, что является источником этого пьянящего чувства, которое охватывало его всякий раз, когда он заставлял животных вопреки инстинкту подчиняться своей воле. Понимание пришло неожиданно, как удар грома: власть! Полная, абсолютная, ничем не ограниченная власть! Конечно, он и раньше имел некоторую власть, в частности, над Создателями, но это была власть, данная законом и ограниченная им же, а он был только ее исполнителем. Те-

перь же источником власти был он сам, его свободная воля. Это и было причиной нового, неведомого ранее наслаждения.

Счастье его, однако, оказалось недолгим. С каждым разом эти игры приносили ему все меньше удовлетворения. Что-то мешало ему наслаждаться полнотой власти, и он знал, что именно. Люди! Они оставались единственными существами в этом мире, неподвластными ему. Пока он не повелевает ими, его власть будет неполной.

Не раз он тайком от Создателя пробирался в Эдем и пробовал свои силы на людях. Попытки эти не всегда были безуспешными. Если Адам или Ева, например, останавливались в нерешительности у развилки двух тропинок, раздумывая, пойти ли направо полакомиться финиками в ближайшей роще или податься влево, где прячутся в траве зеленые шары арбузов, ему ничего не стоило склонить их к тому или другому решению. Но когда он попробовал повернуть назад Еву, спешившую в жаркий день искупаться в речке, та только остановилась на секунду, покрутила головой и побежала дальше, недоумевая, с чего это ей вдруг взбрела в голову мысль вернуться, ни разу даже не окунувшись. Еще более тяжкая неудача ждала его, когда он попытался заставить Адама придушить детеныша лани, доверчиво положившего голову ему на колени. Пальцы человека даже не дрогнули: крохотная частица астрального вещества надежно блокировала несовместимую с принципами добра команду.

После этих неудач жажда власти над разумными существами разгорелась с новой силой, причиняя Инспектору невыносимые страдания. Странную метаморфозу претерпел этот мир в его сознании. Из безразличного он на какой-то миг превратился в Мир Наслаждений, чтобы тут же стать (надолго ли?) Миром Страданий. Анатас был уверен, что со временем найдет способ покорить человеческий разум, но астральное вещество... Нет, пока у них есть эта искра бессмертия, ничего у него не выйдет. Мысль о диверсии, которая может разрушить планы Создателя, засела в нем еще в день прибытия, и теперь надо было обратить ее в реальный план действий. Заставить людей нарушить запрет, отнять у них надежду на бессмертие. Мир, населенный миллионами, миллиардами разумных существ в полной его власти – вот его цель. Но не бессмертных, не равных ему. Только страх смерти может обеспечить ему абсолютное повиновение людей.

Нужно было найти слабое место в планах Создателя, и Инспектор углубился в изучение схем и расчетов, которые Создатель предоставил ему по первому требованию. Все было довольно просто. Частица астрального вещества находилась в двусторонней связи с мозгом человека, и при возникновении новой для него ситуации следовал запрос и мгновенный ответ, как поступить в соответствии с заложенной в астральном веществе программой. Ответы накапливались в памяти человека, составляя, в некотором роде, его жиз-

ненный опыт, которым он и руководствовался, пока снова не возникла необходимость в подсказке. За годы эксперимента в сознании людей накопился солидный объем информации, и запросы следовали все реже и реже, а мотивы поступков обычно определялись этим "жизненным опытом". Именно здесь Анатас нашел то, что искал. Верный принципу свободной воли, Создатель не счел нужным предусмотреть возможность коррекции сознания в случае искажения содержащейся в нем информации. Остальное было для Инспектора делом техники. Соответствующим образом подобранная ложная информация могла необратимо извратить мотивы поведения людей, и тогда – конец эксперименту! Что и требовалось доказать. Решение было, в общем, найдено, оставалось только проработать детали.

"Если я заставлю их нарушить запрет", – рассуждал Инспектор, – "эксперимент автоматически прекратится. Вряд ли Создатель сможет доказать, что это моих рук дело, а если даже и докажет, чем мне это грозит? Отлучением от Миров Наслаждений? Ну что ж, власть доставит мне не меньше блаженства, чем любой из них, а без нее мою жажду не удовлетворит даже Нирвана. Здесь я отлично проведу отпуск, а потом..."

Впервые у него мелькнула мысль о добровольной отставке. Прецедентов на его памяти не было: отставка могла быть только следствием грубых нарушений и всегда сопровождалась ссылкой в Миры Страданий. "Ну и что, значит, я бу-

ду первым", – подумал он. Сильно изменился Анатас за последнее время. Мог ли он представить себе еще каких-нибудь пятьсот лет назад, что будет так спокойно рассуждать о возможном наказании и отставке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.